

Политическое воспитание Александра III

Fedor Melentev

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Political education of Alexander III

DOI: 10.31857/S086956870009269-6

Письма консервативного публициста кн. В.П. Мещерского (1839—1914) к Александру III были известны в эмигрантских кругах ещё в 1940-е гг., а через два десятилетия стали довольно широко использоваться отечественными и зарубежными исследователями¹. Однако немалый объём написанного и неразборчивый почерк препятствовали полноценному освоению эпистолярного наследия князя, пока в 2000-х гг. Н.В. Черникова не приступила к публикации сначала избранных его посланий², а затем и всего их комплекса, составившего три солидных тома³. Тщательную подготовку к печати одним человеком почти 400 писем и отрывков из «дневников» кн. Мещерского с подробными комментариями можно без преувеличения назвать научным подвигом. Есть все основания полагать, что выпущенный Черниковой трёхтомник станет столь же незаменимым источником для изучения политики и идеологии самодержавия, как и изданные без малого 100 лет назад письма К.П. Победоносцева⁴.

Удивительно лишь, что первые тома, появившиеся ещё в 2011 и 2014 гг., не рецензировались в академических журналах, хотя и успели привлечь внимание историков⁵. Между тем они не только свидетельствуют о влиянии князя на будущего царя и довольно полно отражают динамику их взаимоотношений⁶, но и содержат мно-

жество любопытнейших сведений о личности цесаревича, подчас значительно корректирующих привычные представления.

Письма кн. Мещерского являлись одним из средств «политического воспитания»⁷. В них создавался образ идеального «великого государя», а также говорилось о том, каким должен стать наследник престола в будущем и какая судьба ожидает его в случае, если он не прислушается к этим советам.

Кн. Мещерский хотел видеть своего друга «не просто Государем, но Великим Государем (курсивом выделены слова, подчёркнутые в оригинале. — Ф.М.)». А для того, чтобы его царствование оказалось «гениальным», от двадцатилетнего вел. кн. Александра Александровича требовалось «мудрое и постоянно живое уразумение потребностей времени в связи с способностью готовить великое будущее для своего народа и государства». С 1865 г. князь призывал цесаревича активно готовиться к управлению страной, ибо «не бывши учеником в деле приготовления к Престолу, нельзя быть Великим Государем». Ему следовало брать пример со своего старшего брата — цесаревича Николая Александровича (1843—1865), плач по которому, как уверял кн. Мещерский, «никогда не замолкнет на Русской Земле!». При этом, помимо прочего, память о брате должна была укре-

плять и доверие к кн. Мещерскому. Ведь, как вспоминал тот в одном из писем, вел. кн. Николай Александрович, видя и ценя его «заботы и думы о нём как о будущем царе», сказал ему: «Если я сделаюсь таким, каким Вы меня хотите сделать, я только Вам буду этим обязан»⁸.

После смерти старшего брата вел. кн. Александру Александровичу поневоле приходилось «быть постоянно сравниваемым с ним», и это сравнение кн. Мещерский считал невыгодным для нового цесаревича, мало известного обществу. «Теперь Вам предстоит уже не перемена одного какого-либо убеждения, — предрекал князь в 1865 г., — но перемена целой внутренней Вашей жизни, перерождение Вашего нравственного существа». Если до 1865 г. вел. кн. Александр Александрович приучал себя «к полнейшему равнодушию к всему», не касавшемуся его лично, старался «не рассуждать ни о чём и быть вполне философом», то в новой обстановке ему самому пришлось признать: «Я всегда на всё глядел философом. А теперь нельзя быть философом»⁹. Отныне нужно было много работать над собой, учиться произносить публичные речи, «упражнять свои мысли и развивать способность их выражать»¹⁰ и, в частности, демонстрировать любезность в обращении с людьми, поскольку «если же теперь Вы выкажете себя неизменным, холодным, равнодушным, молчаливым, резким и бесцеремонным в обхождении с людьми, мнение о Вас успеет сложиться, и с временем гораздо будет Вам труднее приобретать себе сочувствие»¹¹.

Собственно, к 1865 г. великий князь уже пользовался незавидной репутацией: «Вы в обращении отрывисты, резки, Вас называют дерзким и невежливым, Вы не делаете различия в обхождении с людьми, Вас обвиняют

в бесчувственности и отсутствии сердца». Князь настаивал на значительном расширении круга общения наследника престола, планируя в 1865 г.: «Когда, Бог даст, Вы женитесь и будете самостоятельны в своём доме, Вы будете тогда в состоянии учиться не по книгам и тетрадам (что скучно и бесполезно), а учиться в книге жизни в разговорах с людьми». Эти беседы с теми, чьи мнения основаны «не на лжи, но на добросовестном изучении России», позволят обрести достойных сподвижников и вызвать при воцарении «не опасения, не рабское повиновение, но надежды людей, проникнутые любовью и доверием»¹².

Конечно, это усилило бы зависимость цесаревича от его окружения, к которому стоило пристально присмотреться. «Не бойтесь людей, перед лицом Вашим ищущих на Вас влияния: они не опасны, но всегда полезны, — уверял князь. — Но бойтесь и берегитесь тех, которые, как воры, будут к Вам подкрадываться и под личиною угоды будут разрывать Ваше доброе сердце от народа, будут сеять в нём семена недоверчивости и подозрения». Таким образом, опасность, по мнению кн. Мещерского, представляли именно те, кто предостерегал: «Берегитесь, такой-то хочет иметь на Вас влияние». А «такими людьми изобилует Петербург и придворный мир, и горе! если эти люди когда-либо получат тем или иным путём к Вам доступ». Прислушиваясь к ним, наследник престола будет «мало-помалу испытывать всемогущее действие лести», затем поверит «в свою непогрешимость» и уже не сможет разобраться в том, что ему будут «представлять под именем России». Впрочем, избежать этого помогло бы «мудрое правило Екатерины II — прежде встречи с человеком узнать, кто он такое, и из разговора с ним сделать для себя урок»¹³.

Разумеется, кн. Мещерский соби-рался помогать цесаревичу как с наведе-нием справок, так и с извлечением уроков. «Любовь к России, — поучал он, — должна проявляться прежде всего в постоянной мысли о том, что от Вас зависит судьба в будущем нашего отечества, что если за Вас молят-ся и Вас готовы любить, то тем более это чувство любви должно Вас побу-ждать сближаться с Россией, изучать её, расспрашивать про неё, помогать ей везде и всегда, словом, проявлять к ней горячее и постоянное участие». Соответственно, «чем чаще Вы будете думать и говорить о России, тем более Вы её полюбите, напротив, чем более Вы будете к этому относиться равно-душно или, что то же, как к тяжёлой необходимой обязанности, тем менее и тем слабее будут взаимные связи между отечеством и Вами»¹⁴.

Большое значение кн. Мещерский придавал поездкам по стране. «Путе-шествование по России есть для наслед-ника престола единственное средство быть Великим Государем, — утверж-дал князь. — Оно — всё для него, сущность всей его жизни. Это целый курс великой науки познания своего государства и приготовления себя к Престолу». Более того, «постепенное ознакомление со своим государством есть ключ к приобретению самого трудного достоинства управителя го-сударства, умения находить людей». Отсутствие же собственного опыта и непосредственных впечатлений обре-кало бы цесаревича «видеть Россию чужими глазами». Однако «ездить по долгу, а не с любовью — не стоит, ибо нельзя будет избежать минуты, когда скука от исполнения этого долга вы-рвется снаружи и оскорбит многих». Ведь «официальные проезды, которые так дорого стоят народу, эмуссируют его чувства восторга и преданности, но нисколько не знакомят августей-

ших путешественников с потребно-стями и нуждами этого народа»¹⁵.

Занявшись воспитанием идеаль-ного наследника, кн. Мещерский со-ветовал вел. кн. Александру Алексан-дровичу, как вести себя с невестой, рекомендовал, как общаться с при-ближёнными или с Александром II. «Полнейшая искренность должна быть девизом Ваших отношений к го-сударю, — взывал он в 1867 г., — ка-ковы бы ни были последствия её: всё, что Вы делаете, думаете и задумываете, должно быть перед ним ясно и откры-то, как день Божий». При этом реко-мендовалось беспрекословно подчи-няться воле императора, поскольку «Вы обязаны служить непоколеби-мым примером уважения воли роди-тельской и царской». В противном случае, «мало-помалу в отношениях будет холодность и неискренность, и Вы потеряете возможность в важные и трудные минуты возвышать голос у царского престола в защиту правды!». Уже поэтому важно было не допу-стить, чтобы в великом князе видели главу оппозиции или хотя бы «пред-ставителя недовольных настоящим порядком вещей». Однако, по мне-нию кн. Мещерского, всё это не мешало цесаревичу отстаивать перед от-цом свои убеждения и «быть всегда в состоянии служить государю верным истолкователем нужд данной мину-ты»¹⁶. Ведь, «подчиняясь воле государевой, Вы в то же время призваны к большей ещё самостоятельности там, где эта воля даёт Вам независимое и просторное поле деятельности»¹⁷. То, что Александр II практически не ин-тересовался мнением сына о государ-ственных делах¹⁸, при этом игнориро-валось.

Кн. Мещерский не был бы вну-ком Н.М. Карамзина, если бы не раз-работал для «великого государя» соб-ственную политическую программу.

Как ему представлялось в 1868 г., «не к реформам будет он призван, но к упорочению совершившихся реформ путём мудрого управления или, что то же, путём мудрого узнавания народных нужд». Однако это не исключало и весьма рискованных преобразований: «Если он призван дать России представительный образ правления в духе нашего народа, то спасти государство от сотрясений и анархии, спасти свою власть и сохранить её силу может он не иначе, как приготовившись к ней глубоким знанием своего государства»¹⁹. В 1872 г. князь напоминал цесаревичу, как, «беседуя о России, мы мечтали о том, что Вам предстоит ознаменовать своё царствование чем-то вроде конституции!», но теперь его страшила подобная перспектива: «Боже Вас сохрани начинать царствование Ваше каким-нибудь капитальным актом, вроде конституции. Тогда Вы и всё пропадёт». В первые годы надлежало ограничиться «только приготовлением к реформе конституционной, то есть водворением внутреннего порядка и твёрдости во всех реформах предыдущих», и лишь потом «приступить к созыву представителей всего государства, для обсуждения вопроса о государственной реформе»²⁰.

Подобные замыслы органично сочетались с увлечением «национальной политикой». «Единственная политика для Вашего царствования есть национальная, то есть противоположная нынешней», — внушал кн. Мещерский своему корреспонденту в 1871 г., видимо, не думая, что тем самым настраивает его против императора. Как полагал князь, «национальная политика весьма проста. Её основа — объединение государя с народом, отрицание сословных политических прав, а признание сословий только как частей земства, невмешательство в дела Европы и твёрдое запрещение Европе

вмешиваться в наши дела, развитие земства и неуклонное распространение всех законов и учреждений на все окраины государства, не исключая и балтийской». При этом кн. Мещерский предостерегал от войны с Германией, считая её губительной для династии и опасной для России²¹.

Но ещё страшнее казалось утратить связь с собственной страной. «Если теперь же Вы не начнёте серьёзно вникать в жизнь России, — увещевал кн. Мещерский цесаревича 10 августа 1870 г., — Вы очутитесь в день Вашего царствования, окружённый людьми, служащими только Вам, люди эти будут бессильны и, кроме ложных и опасных для Вас советов, ничего не дадут Вам, и ненависть к ним с первого же дня — обессилит Вас и разъединит с Россией ещё больше!» И по мере того как «Россия будет помимо правительства объединяться, крепнуть и развиваться, Ваша опора останется только одна армия, и затем при всеобщем разладе и разъединении управления в Петербурге все катастрофы возможны, и опираться на одну армию, презирая Россию, окажется таким же роковым мифом, как то, что происходит теперь во Франции»²². Видимо, последние дни Второй империи произвели на князя глубокое впечатление.

Письма кн. Мещерского, помимо его страхов и надежд, столичных сплетен и слухов, содержат немало ценнейших сведений о взглядах и настроениях наследника престола в 1860—1870-х гг. Анализируя эти свидетельства, И.А. Христофоров отметил, что «ещё во второй половине 1860-х гг. цесаревич Александр Александрович не просто отрицательно, но с неподдельным отвращением относился к П.А. Шувалову, П.А. Валуеву» и к космополитическому консерватизму «аристократической партии»²³.

Действительно, князь сетовал на его «ожесточение против Вал[уева]» и тщетно пытался убедить своего корреспондента в том, что «Валуев ещё долго будет незаменим», а, к примеру, гр. Д.А. Толстой заслуживает большего «уважения и доверия»²⁴. Впрочем, и сам кн. Мещерский порою отзывался об окружении Александра II весьма критично.

Довольно специфическим, судя по письмам, был и духовный опыт цесаревича. «Верю и знаю, что Вы религиозны: но не знаю, насколько Вы твёрдо верите», — признавался князь в 1865 г. Наследнику престола, критически отзывавшемуся о постах, монастырях, епископах, приходилось внушать: «Но не правда ли, Вы отныне и до века не будете никогда в обществе и вообще при посторонних лицах осуждать обряды нашей Церкви, какие бы то ни были, а ещё менее смеяться над ними!». Впоследствии князь неоднократно вспоминал произнесённые его корреспондентом «слова, в которых высказывалось неуважение к Церкви и к её обрядам», «беседы и споры о религии и Церкви», «часто вырывавшиеся резкие и проникнутые неуважением суждения о Церкви и религиозных предметах». «Религия, — констатировал кн. Мещерский, — была не столько Вашим убеждением, не столько Вашею потребностью, а принуждённым исполнением обрядов, к[ото]рых таинственная польза была Вами не сознаваема». В 1866 г. он призывал вел. кн. Александра Александровича «начать с утверждения в вере к Богу, которая, увы, доселе у Вас в виде поверхностного поверья протестанта, но далеко не в виде догматов твёрдой [веры] старшего из сыновей православной Церкви»²⁵.

Разумеется, письма кн. Мещерского представляют собой лукавое зеркало, в котором отражение пред-

метов так или иначе искажалось — гиперболизировалось или преуменьшалось. Однако князь убеждал цесаревича, что всё написанное им — правда, и, похоже, сам верил в это. В 1867 г. он даже добился от вел. кн. Александра Александровича записки: «Уполномочиваю Вас писать мне всё, что хотите, хоть самую грустную правду». Впрочем, отношение наследника к письмам князя было противоречивым. Н.В. Черникова приводит в примечаниях цитаты из дневника цесаревича, то полагавшего, что кн. Мещерский пишет «много правды», «но не всё», то восклицавшего: «Он пишет сущую неправду и воображает, что хорошо меня знает и может давать советы». Так или иначе, 2 октября 1868 г. он заверил Владимира Петровича, что находит в его посланиях немало «правды и пользы»²⁶.

Письма кн. Мещерского к Александру III не менее содержательны²⁷, но они характеризуют уже почти исключительно их автора и окружавшую его среду, а не императора. Непосредственного общения с князем тот всё больше и больше сторонился.

Комментируя письма кн. Мещерского, Черникова широко использовала различные архивные материалы, в том числе и дневник вел. кн. Александра Александровича. Несомненно, что те, кто возьмётся за его публикацию, не раз воспользуются данным трёхтомником в своих комментариях. Совершенно незаменимы эти письма и для будущих биографов Александра III. И, пожалуй, только такому знающему и эрудированному исследователю, как Н.В. Черникова, под силу подготовить первое научное издание мемуаров кн. В.П. Мещерского, необходимость в котором ощущается всё сильнее.

Примечания

¹ Франк В. Из неизданной переписки имп. Александра III и Николая II с кн. В.П. Мещерским // Современные записки. 1940. Кн. 70. С. 165—188; *Vinogradof I. Some Russian Imperial Letters to Prince V.P. Meshchersky (1839—1914) // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 105—147; Vinogradof I. Further Russian Imperial correspondence with Prince V.P. Meshchersky // Ibid. 1964. Vol. 11. P. 101—111; Зайончковский П.А. Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 144—146; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 24—25, 75—77, 79—81, 85—87, 171, 233, 341, 351.*

² «Моя преданность Вам имеет одну основу: национальную политику». Письма князя В.П. Мещерского цесаревичу Александру Александровичу. 1871 г. / Публ. Н.В. Черниковой // Исторический архив. 2000. № 3. С. 137—169; Черникова Н.В. «Наш век — век малолушья...». Религиозная жизнь Российской империи глазами чиновника Министерства внутренних дел // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 45—80.

³ Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2011; Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869—1878 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2014; Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881—1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018.

⁴ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1—2. М., 1925—1926.

⁵ См., в частности: Кочукова О.В. «Россия под пером замечательного человека»: Письма В.П. Мещерского великому князю Александру Александровичу из служебных командировок по России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 13. 2013. Вып. 3. С. 20—27.

⁶ Черникова Н.В. Князь В.П. Мещерский и Александр III (история одной дружбы) // *Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 43/1. P. 103—118.*

⁷ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 99.

⁸ Мещерский В.П. Письма... 1863—1868. С. 491, 600, 478, 125, 41.

⁹ Там же. С. 124, 135, 114; Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 277.

¹⁰ Мещерский В.П. Письма... 1869—1878. С. 27.

¹¹ Мещерский В.П. Письма... 1863—1868. С. 125.

¹² Там же. С. 123, 121.

¹³ Там же. С. 213, 429, 430, 134.

¹⁴ Там же. С. 135, 136.

¹⁵ Там же. С. 481, 440, 481—482, 454.

¹⁶ Там же. С. 187—189, 363, 391, 253, 359; Мещерский В.П. Письма... 1869—1878. С. 315.

¹⁷ Мещерский В.П. Письма... 1863—1868. С. 392.

¹⁸ Астанков В.А. Великий князь Александр Александрович и Александр II // Российская история. 2013. № 1. С. 120—136.

¹⁹ Мещерский В.П. Письма... 1863—1868. С. 484.

²⁰ Мещерский В.П. Письма... 1869—1878. С. 445—446.

²¹ Там же. С. 354, 521. См. также: Астанков В.А. «Покажут нам пруссаки, что значит союз и дружба...» Отношения России и Германии в оценках цесаревича Александра Александровича // Родина. 2015. № 2. С. 21—24.

²² Мещерский В.П. Письма... 1869—1878. С. 306.

²³ Христофоров И.А. На пути к революции // Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. Т. 3. М., 2016. С. 188; Подробнее см.: Астанков В.А. Великий князь Александр Александрович и Александр II.

²⁴ Мещерский В.П. Письма... 1863—1868. С. 207, 331, 253.

²⁵ Там же. С. 120, 357, 370, 520, 524, 131, 153, 157, 188, 135, 192.

²⁶ Там же. С. 219, 643, 646, 699. Подборка писем вел. кн. Александра Александровича к кн. Мещерскому недавно опубликована И.Е. Дроновым (Князь В.П. Мещерский и российский Императорский дом. Документы и материалы (1863—1913). М., 2018. С. 110—134).

²⁷ Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881—1894.